

ВЕРНУТЬ ДО РАССВЕТА

18+

Александр Ветров

Вернуть до рассвета

«Автор»

2026

Ветров А.

Вернуть до рассвета / А. Ветров — «Автор», 2026

В глухой деревне Бережье начинают необъяснимо погибать животные. На их телах проступает чёрная сетка, в желудках находят речные камни, а по ночам к домам возвращаются те, кого уже похоронили. Районный ветеринар Анна Ветрова привыкла доверять фактам, но привычные знания оказываются бессильны, когда та же болезнь поражает её двенадцатилетнюю дочь. Чтобы спасти Лизу до рассвета, Анне придётся открыть старую могилу, восстановить имя человека, преданного деревней много лет назад, и завершить обряд, цена которого может оказаться страшнее смерти. Но мёртвым недостаточно вернуть забытое имя. Им нужен тот, кто займёт освободившееся место. «Вернуть до рассвета» — атмосферный мистический триллер о вине, памяти и долге перед теми, чьи имена были намеренно стёрты.

© Ветров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Падёж	6
2. Дом у болота	9
3. Могила без имени	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Ветров

Вернуть до рассвета

ВЕРНУТЬ ДО РАССВЕТА

Мистический рассказ

1. Падёж

Первую корову нашли у старой водонапорной башни.

Она лежала на боку в серебристой от инея траве, вытянув шею к дороге, словно до последней минуты ждала, что кто-нибудь придёт. Глаза оставались открытыми. На ресницах висели мелкие капли, похожие на слёзы.

— Вчера ела, — сказал хозяин, Пётр Семёнович. — Вечером сам комбикорм давал. Утром вышел — уже всё.

Анна Ветрова присела возле туши и натянула перчатки. Ветер с реки гнал по полю сухой снег, хотя стояло только начало октября. В Бережье зима никогда не спрашивала разрешения. Иногда являлась в сентябре, иногда отступала до декабря, но каждый раз вела себя так, будто деревня принадлежала ей.

На слизистых не было язв. Живот не вздут. Следов травмы тоже не видно. Анна раздвинула шерсть на шее и обнаружила под кожей тёмную сетку сосудов. Она начиналась под нижней челюстью и уходила к груди. В обычном свете могла показаться синяком, но стоило повернуть голову животного, как линии словно переместились следом.

— Яд? — спросил Пётр Семёнович.

— Пока не знаю.

— А кто её отравит? Она у меня умнее половины района. Чужого из рук не брала.

Анна промолчала. За двенадцать лет работы районным ветеринаром она слышала про животных всё: коровы понимали человеческую речь, свиньи предсказывали погоду, собаки видели покойников, а коты лечили давление лучше областных врачей. Обычно за чудом обнаруживались испорченный корм, инфекция или человеческая глупость. Последняя встречалась чаще прочего.

Она взяла пробы крови и тканей, сфотографировала положение туши, записала номер бирки. До районной лаборатории было сто семьдесят километров, причём последние сорок дорога существовала главным образом в воспоминаниях администрации.

— Сожжём? — спросил хозяин.

— Сначала дождёмся результатов.

— Долго?

— Дня три.

Пётр Семёнович посмотрел на мёртвую корову.

— За три дня тут вся деревня ляжет.

Анна решила, что он говорит о скоте.

На обратном пути она остановилась у башни. Ржавый бак давно прохудился, лестница оборвалась на высоте второго пролёта. За башней трава была примята широкой полосой, уходившей через поле к водохранилищу. Полоса напоминала дорогу, хотя никакой дороги там не было.

В грязи виднелись следы копыт. Они начинались у туши и тянулись к воде, но располагались задом наперёд, словно корова пришла из водохранилища пятясь.

Анна сфотографировала их. На экране телефона вместо следов получилась гладкая чёрная земля.

В тот же вечер она отвезла образцы в район. Лаборантка Зоя Ивановна приняла пакет и пообещала начать утром.

— У вас там опять комбикорм со старого склада? — спросила она.

— Склад закрыли пять лет назад.

— На бумаге или по-настоящему?

— В Бережье это одно и то же.

Возвращалась Анна после полуночи. У плотины пришлось остановиться: поперёк дороги стояло стадо. Около двадцати коров, неподвижных и тёмных, смотрели на её фары. Ни пастуха, ни собак.

Она посигналила. Животные одновременно повернули головы в сторону водохранилища. Из воды донёсся низкий звук, похожий на далёкий колокол.

Когда Анна моргнула, дорога была пустой.

На следующий день погибло ещё пять животных: две коровы у Семёновича, бык на ферме и две козы в разных концах Бережья. У всех под кожей проступала одинаковая чёрная сетка. Ещё через сутки заболели собаки. Они отказывались от воды, забивались под крыльцо и глухо скулили во сне. Один пёс сорвался с цепи, добежал до башни и три часа лаял на землю, пока не упал замертво.

Анна устроила временный изолятор в пустующем коровнике. Вместе с фельдшером Колей Бажиным они осмотрели животных, сменили воду, вскрыли погибшего быка.

— Сердце будто варёное, — сказал Коля.

На разрезе мышца была серой, однако оставалась тёплой спустя десять часов после смерти. Внутри желудка нашли чистую речную гальку. Семь гладких камней лежали ровным кругом.

— Он мог их проглотить? — спросил Коля.

— Бык может проглотить проволоку, гвозди и половину сельского бюджета. Но не выложить камни узором.

Коля не улыбнулся.

К вечеру пришли результаты. Лаборатория не нашла ни сибирской язвы, ни ящура, ни известных токсинов. В заключении значилось: «Причина патологических изменений не установлена». Районный начальник по телефону посоветовал повторно проверить корм и не создавать паники.

— Паника уже создана, — сказала Анна. — Без вашего участия.

— Тогда ликвидируйте.

Связь оборвалась.

На третий день председатель сельсовета собрал жителей в клубе. Люди пришли в куртках и шапках: отопление ещё не включили. Одни требовали карантина, другие — немедленно забить здоровый скот, пока мясо можно продать. Пётр Семёнович сидел в первом ряду и молчал.

— Вы ветеринар, вот и скажите, что происходит, — потребовала продавщица Валентина.

— Я скажу, когда буду знать.

— А пока дети молоко пьют.

— Молоко из хозяйств с заболевшими животными уничтожается.

— Уничтожается! — выкрикнул кто-то сзади. — У меня пенсия девять тысяч. Давайте ещё дом сожжём для надёжности.

Разговор быстро превратился в привычный деревенский спор, где каждый отвечал на то, что ему не говорили. Анна уже собиралась уйти, когда Пётр Семёнович поднялся.

— Ночью моя Дуня домой пришла.

В клубе стало тихо.

— Какая Дуня? — спросил председатель.

— Первая. Которую у башни нашли.

— Туша под навесом лежит.

— Туша лежит. А она приходила. Стояла у окна и рогом в стекло стучала.

Кто-то нервно засмеялся.

— Ты пил, Семёныч?

— С утра выпил. После того как следы увидел. От окна до старой дороги. А от дороги назад нет.

После собрания Анна проверила дом Семёновича. На стекле имелась дугообразная трещина. В палисаднике отпечатались копыта, опять развёрнутые не в ту сторону.

К пятнице перестали звонить колокола на заброшенной церкви. Они не звонили уже тридцать лет, но теперь деревня заметила и это. Люди уверяли, что прежде по ночам слышали один удар. Каждый считал звук случайным, пока случайность не исчезла.

Анна жила с двенадцатилетней дочерью Лизой в доме бывшей медсестры — сером, крепком, с семью слоями краски на наличниках. Муж Анны погиб четыре года назад на зимнике. Его машина ушла под лёд, тело нашли весной в двадцати километрах ниже по течению. После похорон Анна собиралась уехать, но так и не смогла.

Бережье держало людей не заработком и не удобством. Оно держало чувством, что за последним домом кончается известный мир и дальше человек остаётся один на один с тем, во что действительно верит.

Вечером Лиза сидела у печи и листала учебник.

— Мам, человек может заразиться от коровы?

— Смотря чем.

— Этим.

— Мы ещё не знаем, что это.

— Значит, может.

Анна поставила кастрюлю на стол и увидела у дочери за ухом тонкую тёмную линию. Сначала решила, что это след от ручки. Потёрла пальцем. Линия осталась.

— Больно?

— Нет. А что?

Под кожей проступил ещё один штрих, затем третий. Они медленно соединялись в сетку. Лиза пошатнулась. Из носа потекла не кровь, а прозрачная вода с запахом тины.

В ту ночь Анна впервые пошла к Агафье Кругловой.

2. Дом у болота

Агафью называли знахаркой только за глаза. В лицо говорили «Агафья Матвеевна» и старались не смотреть на полки, где среди банок с сушёными травами стояли детские молочные зубы, птичьи лапы и часы без стрелок.

Ей было за восемьдесят, но точного возраста никто не знал. Дом её стоял отдельно от деревни, на кромке Молчаливого болота. Осенью туман поднимался там белой стеной и иногда оставался до полудня.

Агафья открыла прежде, чем Анна постучала.

— Девку привела?

— Она дома. С ней соседка.

— Зря. Мне глазами смотреть надо.

— Я расскажу.

— Слова всегда врут раньше людей.

Анна вошла. В доме пахло можжевельником и мокрой землёй. На печи спал рыжий кот с обгоревшим ухом. Когда Анна приблизилась, он открыл глаза, зашипел и отвернулся к стене.

— У животных сосуды темнеют под кожей, — сказала Анна. — Теперь то же началось у дочери. Анализы чистые. Температуры нет. Из носа шла вода.

Агафья сняла с гвоздя керосиновую лампу, хотя электричество в доме было, и поставила её между ними.

— Когда первая скотина пала?

— Во вторник.

— Где?

— У башни.

— Не у башни. На старой дороге.

Анна знала: до строительства плотины дорога шла иначе. Её остатки начинались у водонапорной башни, пересекали поле и уходили под водохранилище.

— Какая разница?

— Для живых никакой. Для мёртвых дороги долго помнят, куда вели.

— Мне нужна помощь, а не загадки.

— Тебе нужна причина. Помощь потом.

Агафья достала из буфета жестяную коробку. Внутри лежала старая фотография: мужчины у деревянного барака, за ними — строительные машины и голый склон. На обороте чернилами было выведено: «Бригада № 4. Июнь 1968».

— Здесь мой отец? — спросила Анна.

Она узнала его сразу: молодой, худой, с непокорной прядью волос. Отец исчез, когда Анне было семь. Мать говорила, что он уехал на заработки и не вернулся. Позже в районном архиве Анна нашла запись о розыске, прекращённом за давностью.

— Был, — сказала Агафья. — Только снимок не в шестьдесят восьмом сделан. Люди на нём из разных лет.

— Так не бывает.

— Здесь много чего не бывает. Потому и случается.

Старуха постучала ногтем по лицу мужчины рядом с отцом. Оно было выцарапано до белой бумаги.

— При плотине старое кладбище переносили. На бумаге — сто сорок три могилы. Перенесли сто сорок две. Одну открыли пустой.

— Чью?

— Безымянную. На камне только знак был: круг и три насечки. Рабочие решили, что там нечего переносить. Камень столкнули в котлован, а ночью один человек пропал.

— Мой отец?

— Первый пропал раньше. Твой был последним.

Анна встала.

— Почему вы молчали?

— Потому что твоя мать просила. Потому что правда не возвращает людей. И потому что до этой недели могила спала.

— Что её разбудило?

— Воду спустили. На плотине ремонт. Старый берег вышел наружу.

Агафья налила в блюдце воду и капнула туда воском. Воск не растёкся, а собрался в маленький белый череп.

— Это можно остановить? — спросила Анна.

— Можно остановить почти всё. Вопрос только, что встанет вместо остановленного.

— Хватит.

— Хорошо. Есть средство. Но оно хуже болезни.

— Говорите.

— На новом кладбище лежит человек без имени. Не тот, чья могила была пустой. Другой. Надо взять его голову после полуночи и сварить в воде из трёх колодцев. Отваром провести черту вокруг деревни до первого петуха. Тогда то, что пришло по старой дороге, не войдёт в дома.

Анна долго смотрела на неё.

— Вы предлагаете мне раскопать могилу.

— Я предлагаю тебе выбрать, кого хоронить.

— Это бред.

— Конечно. Потому лаборатория и не нашла ничего разумного.

Анна вышла, хлопнув дверью. Туман поглотил тропу. Через двадцать шагов она увидела впереди огонёк и пошла к нему, решив, что это крайний дом деревни. Огонёк снова оказался лампой в окне Агафьи.

Она повторила путь. Дом встретил её впереди.

В третий раз Анна не пошла по тропе, а направилась прямо через болотную кочку. Под ногами плеснула вода. В тумане раздался голос Лизы:

— Мам, я здесь.

Анна остановилась.

— Иди по голосу, — сказала дочь. — Тут сухо.

Сзади хлопнула дверь.

— Не отвечай, — произнесла Агафья. — Болото ещё не знает её голоса до конца. Не учи. Старуха подошла с лампой и вывела Анну на тропу.

— Почему оно говорит Лизиним голосом?

— Потому что уже пробует её изнутри.

У Анны задрожали руки.

— Что мне делать?

— В полночь возьмишь голову. Когда понесёшь, за ней придут. Могут выглядеть кем угодно. Не соглашайся ни на что, кроме одного условия: вернуть до рассвета.

— А если не верну?

— Останешься в могиле вместо того, кого потревожила.

Дома Лиза спала, свернувшись под двумя одеялами. Чёрные линии спустились к ключице. На тумбочке стоял стакан. Вода в нём была чёрной, хотя Анна наливала её из бутылки.

Соседка сказала, что девочка не просыпалась. Потом помедлила и добавила:

- Один раз заговорила. Спросила, почему дедушка до сих пор связан.
 - Какой дедушка?
 - Я тоже спросила. Она ответила: «Тот, которого мама сегодня выкопает».
- Анна посмотрела на часы. До полуночи оставалось пятьдесят минут.

3. Могила без имени

Новое кладбище начиналось за берёзовой рощей. Новым его называли по привычке: первые могилы появились там ещё до войны. В дальней части стояли кресты без табличек — выцветшие, накренившиеся, поросшие лишайником.

Анна пришла одна. Агафья дала ей план, нарисованный углём на обороте продуктового пакета, и велела никому не рассказывать. Лопату Анна взяла из сарая, воду — из трёх оставшихся колодцев. Четвёртый, возле фермы, утром оказался заполнен мелкой мёртвой рыбой.

На часах было без двадцати двенадцать. Луна висела над рощей, похожая на мутную монету.

Анна повторяла себе, что совершает преступление. За надругательство над телом можно получить реальный срок. Повторяла, пока слова не превратились в бессмысленные звуки.

Могила находилась у самой ограды. Ни креста, ни плиты — только прямоугольная впадина и круглый камень с тремя насечками.

Такой же знак Агафья описывала на старом кладбище.

Прежде чем копать, Анна обошла участок. На соседних крестах можно было разобрать фамилии: Рябовы, Воронины, Кругловы. Последняя могила принадлежала матери Агафьи, умершей, судя по табличке, в 1946 году. Если старухе было за восемьдесят, всё сходилось. Однако ниже под ржавой табличкой проступала другая дата: 1991. Анна провела пальцем — цифры исчезли.

Земля под безымянным камнем оказалась мягкой, словно её перекапывали утром. Лопата входила почти без сопротивления. С каждым слоем становилось теплее. На глубине метра от земли шёл пар.

Через сорок минут металл ударился о дерево. Анна расчистила крышку. Гвозди давно проржавели; доска поднялась почти без усилия.

В гробу лежал мужчина в истлевшей телогрейке. Кожа сохранилась на лице тёмными сухими лоскутами. На груди покоились связанные проволокой руки.

Анну вырвало у края ямы.

Она работала с мёртвыми животными и считала себя менее впечатлительной, чем большинство людей. Но человек в гробу не был объектом исследования. Он был чьим-то страхом, чьим-то ожиданием и последним воспоминанием.

Когда Анна снова наклонилась, глаза покойника были открыты.

— Не моя, — сказал он.

Голос прозвучал за спиной. Анна обернулась. Между крестами никого.

— Что не ваше?

— Голова.

Губы мертвеца не двигались. Голос шёл из земли, из ограды, из пустых металлических венков.

— Мне нужно ненадолго. Я верну.

— Её уже брали.

Под телогрейкой что-то зашевелилось. Проволока на руках натянулась.

Анна достала хирургический нож, старую ножовку и холст, которые приготовила Агафья. Работа оказалась тяжелее, чем она представляла. Она старалась не думать, что делает, сосредоточилась на движениях, как при вскрытии животного. Но животные никогда не шептали её имя.

Когда всё закончилось, она завернула голову.

— До рассвета, — сказал голос. — Иначе останешься вместо меня.

— Верну.

— Все так говорят.

На дне гроба Анна увидела металлический жетон. Протёрла его перчаткой. На одной стороне был выбит номер 17, на другой — «С. Ветров».

Её отец.

Она развернула холст.

Под слоем земли и высохшей кожи угадывались знакомые скулы. На левой брови — белый рубец, который она помнила с детства. Отец говорил, что получил его от щуки, хотя даже семилетняя Анна понимала: щуки не дерутся бутылками.

— Папа?

Глаза открылись.

— Аня. Наконец-то.

Она едва не выронила свёрток.

— Ты жив?

— Уже нет. Но ещё не весь умер.

— Что с тобой сделали?

— Потом. Они слышали.

С кладбища донёсся стук. Сначала один, потом десятки. Крышки гробов ударялись о землю снизу. На ближайшей могиле осыпалась земля, показалась белая рука.

— Беги.

Анна выбралась из ямы. За спиной треснула доска. Она не стала оборачиваться.

У ворот стояла Лиза в ночной рубашке и резиновых сапогах.

— Мам, — сказала она. — Ты зачем меня выкопала?

Настоящая Лиза лежала дома. Анна заперла дверь и оставила ключ соседке.

Девочка у ворот улыбнулась. Чёрная сетка покрывала всё её лицо.

— Дай мне дедушку.

Анна шагнула в сторону. Девочка повторила движение.

— Ты не Лиза.

— А ты не ветеринар. Сегодня мы обе притворяемся.

Из могил одна за другой поднимались фигуры. Они не шли к Анне, только поворачивали головы вслед, будто зрители.

— Не смотри ей в глаза, — сказал отец из свёртка. — И не отвечай, если назовёт тебя матерью.

— Мама, — сказала девочка.

Анна закрыла глаза и пошла вперёд. Что-то холодное коснулось щеки. Она продолжала идти, считая шаги. На двадцать третьем за спиной хлопнули кладбищенские ворота.

Когда Анна открыла глаза, дорога была пуста.

До деревни оставалось полтора километра. Она пошла быстрым шагом, прижимая свёрток к груди. Отец молчал.

В роще показался свет фонаря. Навстречу шёл участковый Максим Чернов.

— Анна Сергеевна? — удивился он. — Что вы здесь ночью?

— К больному ездила.

— Пешком? С лопатой?

Максим направил фонарь на холст. На ткани проступило тёмное лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.